

Константин ФЕДИН (1892–1977)

24 февраля – 130 лет со дня рождения писателя Константина Александровича Федина (24.02.1892, г. Саратов – 15.07.1977, г. Москва). С февраля по октябрь 1919 года жил в городе Сызрань Симбирской губ., редактировал журнал «Отклики». По дороге из Москвы и обратно проезжал через станции Инза, Базарный Сызган, Барыш и Кузоватово. Автор сборника рассказов «Пустырь» (1923); романов «Города и годы» (1924), «Похищение Европы» (1935), «Санаторий «Арктур» (1940); трилогии «Первые радости» (1945), «Необыкновенное лето» (1948), «Костёр» (1965) и др. Академик АН СССР (1958), Герой Социалистического Труда (1967). Первый секретарь и председатель правления Союза писателей СССР (1959 – 1977).

РИСУНОК С ЛЕНИНА (отрывок из рассказа)

Сергей нашёл место в ложе для журналистов, против трибуны. Отсюда хорошо были видны скамьи президиума. Он раскрыл альбом и стал готовиться к рисованию.

Внезапно хоры зашумели, и, всё поглощая грохотом, вниз начал сползать глетчер рукоплесканий. Сергей поднялся вслед за всем залом и стал глядеть на места президиума. Но там никто не появлялся. Он посмотрел в зал, и вдруг у него выпал из рук альбом: начал аплодировать.

Прямо на него, через весь зал, впереди разномноженной толпы делегатов, шёл Ленин. Он спешил, склонив голову, словно рассекая ею встречный пот воздуха и как будто стараясь скорее скрыться из виду, чтобы приостановить аплодирование. Он поднялся на места президиума, и пока длилась овация, его не было видно.

В момент, когда он появился, раскрылись все скамьи зала, и на хоры и в амфитеатр внесли огромные корзины красных гвоздик. Цветы разлетались по рукам, вовлекая длинные ряды скамей в красочную перекличку с алыми полотнищами знамён и знамераций. Оглядывая зал, Сергей увидел неподалеку двух пожилых художников, которые ещё не были его учителями. Они уже уселись на места, а он всё ещё стоял. Спохватившись, он поднялся и взялся за карандаши.

Но неожиданно, когда стихло, он опять увидел Ленина, очень быстро поднимавшегося вверх между скамей амфитеатра. Его не сразу заметили, но едва заметили, снова начали аплодировать и заставить проход, по которому он почти взбегал. Он сравнялся с одним человеком и, весело улыбаясь, протянул ему руку. Тот встал навстречу Ленину, здоровался неторопливо, с какой-то степенной манерой крестьянина и с ласковой сдержанной улыбкой. Они разговаривали, всё больше наклоняясь друг к другу, потому что овация росла и люди обступили залом.

— Это Миха Цхакая, — услышал Сергей, — грузинский коммунист. Он жил с Лениным в Швейцарии.

Кольцо людей вокруг них сужалось, и Ленин, показав руку товарища, почти прорвал неподатливую линию, устремляясь вниз, явно недовольный громом аплодисментов. Сергей следил за каждым шагом Ленина. Ему казалось, что он успел заметить очень важные особенности движений этого невысокого, лёгкого человека и уже видел их пойманными карандашом в своём альбоме.

Ленин, войдя в места президиума, на минуту исчез, потом вновь показался, и Сергей увидел, как он вынул из кармана бумаги и присел на ступеньку в проходе. Это случилось быстро, нечаянно, просто, и лучшей позы нельзя было ни ждать, ни вообразить. Сергей почувствовал, что его соседи-художники уже рисуют. Он сжал в пальцах карандаш, но не мог оторвать взгляда от Ленина.

Так хорошо была видна его голова – большая, необычная, запомнившаяся в один миг. Ленин положил бумаги на колени и, читая, низко нагнулся над ними. Взмах его лба, темя, затылок с завитушками светлых жёлтых волос, касавшихся воротника, резко преобладали во всём его облике. Сергей хотел сравнить Ленина с каким-нибудь образом, знакомым из истории или современности, но Ленин никого не повторял. Каждая чёрточка его принадлежала только ему.

Сергей наконец коснулся карандашом бумаги. Одним мягким, нащупывающим скольжением он прочертит контур ленинской головы и поднял глаза. Ленина уже не было.

Сергей увидел его снова, когда он ступил на трибуну для доклада.

Восторженная, несмолкающая овация встретила Ленина. Ему пришлось вынести её до конца. Он долго перебирал бумажки на кафедре. Потом, высоко подняв руку, тряс ею, чтобы угомонить разбушевавшийся зал. Укоризненно и строго поглядывал он по сторонам – один среди клокотавшего шума. Вдруг он вынул часы и показал их аудитории, сердито постукивая пальцем по циферблату, – ничего не помогало. Тогда он опять принял нервно пересматривать, перебирать бумажки, пока овация, словно исчерпав себя, не обратилась во внимавшую тишину.

Ленин начал говорить. Сергей увидел его в движении, передававшем мысль. Вот именно это и мечтал художник изобразить в рисунке. Черты Ленина, несколько минут назад совершенно точно уловленные, как будто исчезли в Ленине-ораторе и заменились новыми, в непрерывном живом чередовании. Одну за другой отмечал их в памяти Сергей, но они возникали и не повторялись, и он боялся упустить их, и всё не решался начать рисовать, и уже не мог бы сказать, что делает – изучает ли жестикуляцию Ленина или слушает его речь.

Полная слитность жеста Ленина со словом поразила его...

